

Замѣтки о языкѣ басенъ и сказокъ В. И. Майкова.

О писателяхъ XVIII вѣка, даже самыхъ замѣчательныхъ, сохранилось мало біографическихъ извѣстій. Нѣсколько анекдотовъ, нѣсколько случайныхъ упоминаній, оффиціальныя данныя о службѣ — этимъ часто и оканчиваются всѣ свѣдѣнія о томъ или другомъ литературномъ дѣятелѣ. Волей-неволей приходится многого искать въ ихъ произведеніяхъ. При этомъ уже давно и неоднократно выражалась мысль, что нѣкоторыя данныя можно получить послѣ изученія языка писателей. Напримѣръ, всегда можно собрать нѣсколько матеріаловъ для утвержденія или отрицанія принадлежности авторамъ произведеній сомнительныхъ. Можно также уяснить вліяніе одного писателя на другого; можно съ значительной вѣроятностью опредѣлить область, откуда происходилъ писатель, и говоръ, который отразился въ его произведеніяхъ. Кромѣ того, изученіе языка писателей извѣстной эпохи должно бы было дать представленіе о грамматическомъ строеніи языка въ эту эпоху. Такъ какъ для такихъ цѣлей необходимо изслѣдованіе языка писателей во всемъ его объемѣ и полнотѣ и при томъ съ различіями, зависящими отъ разныхъ періодовъ творчества писателя и рода словесныхъ произведеній, то не удивительно, что для такихъ сложныхъ и кропотливыхъ работъ находилось слишкомъ мало охотниковъ¹⁾.

---

1) Можно указать на статьи О. Е. Корша о «Русалкѣ» Пушкина (*Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ* 1898 г., кн. III; 1899 г., кн. I, II), отличающіяся тщательностью анализа явленій языка и научнымъ изяществомъ приѣмовъ изслѣдованія, на интересныя статьи Е. О. Будде о языкѣ Ломоносова и Пушкина (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, часть ССОХVI и ССОХХХIII) и на цѣлый рядъ работъ В. А. Истомина (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, Педагога-

Кромѣ трудности такихъ работъ, въ которыхъ приходится имѣть дѣло съ массой мелочныхъ и разбросанныхъ фактовъ; кромѣ недостатка пособій, облегчающихъ работу, напримѣръ, словарей отдѣльныхъ писателей, — большое препятствіе для изученія языка нашихъ писателей мы найдемъ въ самыхъ текстахъ ихъ произведеній. У насъ упорно держится обычай «исправлять орфографію» издаваемыхъ писателей: такимъ образомъ редакторы изданій лишаютъ изслѣдователя языка очень цѣнныхъ фактовъ; именно тѣхъ, по которымъ онъ можетъ познакомиться съ живой рѣчью писателя, со степенью его грамотности, которая должна явиться показателемъ образованія и начитанности. Почему-то не обращается вниманія на то обстоятельство, что орфографія нашего времени является странной въ трудахъ писателей того періода, когда была другая орфографія, и когда совсѣмъ иначе на нее смотрѣли. Тредиаковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ имѣли свою орфографію: было бы крайне неумѣстно дѣлать въ ней измѣненія, такъ какъ оказалось бы, что они не слѣдуютъ тѣмъ правиламъ, которыя сами указываютъ. Напримѣръ, Сумароковъ пишетъ *рабенокъ*, потому что производитъ это слово отъ *рабъ*. Они пишутъ *етотъ*, *ета*, и такъ далѣе.

Если въ однихъ случаяхъ приходится жалѣть о исправленіи орфографіи писателя, то во многихъ другихъ случаяхъ приходится возставать противъ исправленія, какъ дурного приема, искажающаго писателя. Дѣло въ томъ, что издатели не держатся границъ, дальше которыхъ не должны идти «орфографическія» поправки, и изъ тѣсной области замѣны однихъ буквъ другими — съ чѣмъ бы еще кое-какъ можно помириться — заходятъ въ область звуковъ, формъ склоненія и спряженія и даже словарь писателя, то-есть, исправляютъ уже его языкъ, придавая ему такія черты, которыхъ онъ не имѣлъ. *Робята*, узолъ передѣлывается на *ребята*, *узель*; вмѣсто авторова *живяе*, скорый является *живѣе*, *скорѣй*; *правы*, *рода* замѣняются — *нравы*, *радя*; ставятся ударенія тамъ, гдѣ ихъ не было у автора, и не сохраняются

чешскій отдѣлъ, томы: XXXV — о Ломоносовѣ, XXXVI — о Карамзинѣ и Дмитріевѣ, XXXVII — о Гоголѣ, XXXVIII — о Фонвизинѣ и Озеровѣ, XXXIX — о Херасковѣ и Сумароковѣ, XL — о Екатеринѣ II, и другія), преслѣдующихъ только учебныя цѣли (такъ, какъ ихъ понимаетъ авторъ): полноты, стройнаго изложенія, объясненія происхожденія и связи фактовъ въ работахъ трудолюбиваго автора «Главнѣйшихъ особенностей языка и слога» почти всѣхъ замѣчательныхъ писателей отъ Ломоносова до Пушкина — нѣтъ.

тѣ, которыя были поставлены, и тому подобное. Такіе приемы изданія есть грѣхъ противъ науки и литературы. Распространенность ихъ — печальное явленіе въ дѣлѣ редактированія писателей, благодаря которому смыто не мало свѣжихъ и живыхъ красокъ съ тѣхъ картинъ, которыя были когда-то для насъ написаны.

Неудобство ореографическихъ исправленій увеличивается еще тѣмъ, что не только редакторъ, но часто переписчикъ или наборщикъ даютъ свою ореографію тексту, такъ какъ болѣе или менѣе общепринятая ореографія Я. К. Грота явилась не слишкомъ давно. Наконецъ, эти исправленія и мало нужны, такъ какъ старыя печатныя изданія писателей вовсе не имѣютъ такой вопіющей безграмотности, которая рѣзала бы глаза читателя, и въ интересахъ именно ореографіи отъ нѣкоторыхъ поправокъ нужно бы было воздерживаться.

Редакторы должны строго держаться или рукописнаго авторскаго текста, или текста послѣдняго вышедшаго при жизни автора изданія его произведеній. На точную передачу этого текста и должны направляться редакторскія усилія: накладывать свою руку на произведенія писателя редакторъ, конечно, не долженъ.

Старый обычай исправленія коренится на непризнаніи правъ живого языка, который отражался въ буквахъ. Для знакомства съ нимъ первоначальная ореографія имѣетъ большую важность, и поправки въ ней, даже незначительныя, дѣлаютъ невозможнымъ изученія языка изданнаго сочиненія, оставляя въ совершенной неопредѣленности, что принадлежитъ въ правописаніи текста автору и что издателю.

Къ такимъ мнѣніямъ пришлось мнѣ придти послѣ изученія языка басень В. И. Майкова по изданію 1867 года, подъ редакцію П. А. Ефремова, и по 1-му изданію, вышедшему при жизни автора въ 1766—1767 годахъ.

Особенностей въ правописаніи 1-го изданія не мало, и нѣкоторыя изъ нихъ очень любопытны.

Есть случаи аканья (выскачила, зарасло): вѣроятно, это ошибки московскаго наборщика или переписчика. Раждаетъ, равняется (рядомъ: разломать) могутъ получить другое объясненіе.

Майковъ пишетъ именительный падежъ мужскаго рода по произношенію: смѣлой, цѣлой, всякой, прохожей, вешней, подъячей, и многія другія; также родительный: ево, того, ково, одново, жаренова, худова

(но и: хорошаго), *нашева*. Извѣстно, что такое правописаніе было нерѣдко въ XVIII вѣкѣ; его употреблялъ и отстаивалъ Сумароковъ.

Любопытно правописаніе: *мѣлка*, *прилѣжно*, *нѣчемъ*, *пѣсть*, *змея*, *спеси* (редакторъ вездѣ исправилъ). Здѣсь во всѣхъ случаяхъ, если не держаться школьныхъ понятій объ орфографіи, буквы поставлены правильно. Два первыхъ слова пишутся такъ еще по грамматикѣ Востокова 1837 года (4-е изданіе); правописаніе третьяго слова отстаивалось Потембей; *е* въ словѣ *спесь* требуютъ и Востоковъ, и Буслаевъ, и Гротъ.

Обыкновенно видимъ: *ето*, *ета*, объ *етомъ*, но и: *этакихъ*, *эта*. Старое изданіе отличаетъ ё: *лисѣонка*, *поросѣонка*, *всѣд*, *смирѣонъ* (редакторъ не передаетъ такого произношенія).

Произношеніе сказывается и въ написаніяхъ: *заечья*, *имянно* (можетъ быть, и орфографическое сопоставленіе съ словомъ *имя*), *вить* (вѣдь), *океанъ*. Въ случаяхъ: *мѣшечикъ*, *дружечикъ* трудно установить произношеніе, потому что находимъ также правописаніе: *мѣшочикъ*, *дружочикъ*, *праотцовъ*, *пришоль* и *положень* (на *е* удареніе); но *и* послѣ *ч* несомнѣнно фонетическое.

Живому же языку обязаны: *робята*, *узоль*; наши *ребята*, теперь—вѣроятно, такія же новообразованія, какъ областныя: *висилекъ*, *бисикомъ* подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога.

Въ употребленіи согласныхъ буквъ также видимъ соотвѣтствіе произношенію: *берлокъ* (по-сѣверному), *бѣдняшка*, *прозбу*, *здѣлалъ*, *прѣжживалъ*, *лучше*, *востали* (возстали), *щитаеть*, *щастья*, *беспокоить*. Но по производству: *естля* (если), *изпустить*, *разтвори*.

Если невѣждею не опечатка (въ исправленномъ: невѣжею), то это слѣдъ мягкихъ звуковъ *жж* (произношеніе: невѣжжжею). Любопытно правописаніе: *ѣжь* (ѣшь) и *подъячей* (рядомъ: *подзячей*). Въ словахъ: *раззоря*, *раззиня*, по истиннѣ согласная удвоена (сравните владимірскія: *раззорѣтъ*, *роззѣнуть*); въ заимствованномъ *миліонъ* она не повторяется, какъ и въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ (владимірскіе). Въ склизкія видимъ ошибочно приставленный суффиксъ *скій*.

Вѣроятно, діалекту самого Майкова обязаны написанія: *сперѣва* (три раза), *поверѣхъ*, *верѣшины*.

Онъ, можетъ быть, произносилъ твердо: *сѣсть*, *сѣсть*, даже: *отнюдъ*, но мягко: *прерѣви*, *горѣницы*.

Какъ мы, онъ говорилъ: *позно и*, какъ говорятъ иногда крестьяне, хлѣбопашества.

Въ склоненіи словъ мы тоже видимъ народныя формы: *дни* (родительный падежъ: изъ *дни* творила ночь; *сево дни*), *дочерь* (дательный падежъ), *житы* (именительный множественнаго). Множественное число именъ прилагательныхъ оканчивается на *ыя* независимо отъ рода: *лестныя друзья*, *зефиры сладкія*, *милыя утѣхи*, *нѣжныя рѣчи*, *рѣчей*, *которыя*, *но: подовые* (пирожки). Предложный падежъ: въ *кожѣ поросячей*, образованный по образцу прилагательныхъ какъ *синій*, конечно, тоже разговорная форма; также: *они* (птицы).

Сравнительная степень на *яе* и *яй*: *живяе*, *скоряй* (рядомъ съ формами на *пе*, *пй*), мнѣ кажется, указываетъ ярославца. Не смотря на то, что эти формы для XVIII столѣтія, на основаніи свидѣтельства Сумарокова, были московскими, трудно допустить, чтобы въ московскомъ народномъ языкѣ такого недалекаго отъ насъ времени онѣ были въ большомъ употребленіи. Эти формы существовали въ живомъ языкѣ образованнаго общества того времени и встрѣчаются у многихъ писателей. Такъ, по указаніямъ г. Истомина и другимъ справкамъ, онѣ есть у Кантемира, Тредіаковского, Ломоносова, Сумарокова, Екатерины II, Хераскова. Но это, вѣроятно, разговорныя формы сѣверныхъ говоровъ, не московскихъ. Ихъ нѣтъ въ современномъ литературномъ языкѣ, только благодаря вліянію живого московскаго нарѣчія, при поддержкѣ котораго онѣ должны были бы сохраниться, потому что допускались книжнымъ языкомъ и грамматиками. Подтвержденіе рѣдкаго употребленія сравнительной степени на *яе* въ живомъ московскомъ языкѣ XVIII вѣка можно найти и въ томъ, что формы сравнительной степени на *яе* нѣтъ, если не ошибаюсь, въ современныхъ московскихъ нарѣчіяхъ¹⁾.

Вмѣстѣ съ такими чисто народными формами видимъ славянизмы: по *землѣ*, *раби мои* (звательный падежъ).

Майковъ, по тогдашней орфографіи, ставитъ ударенія въ тѣхъ случаяхъ, когда они служатъ къ различенію значеній или формы словъ:

---

1) Для села Липицъ Коширскаго уѣзда Тульской губерніи указывается произношеніе: *гитрай* (*Этнографическій сборникъ, издаваемый Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ*, выпускъ II, страница 88). Но это случай исключительный, если не ошибка.

помочь (значить, онъ употреблялъ слово *помочь*), потомъ, дороги, ноги, стоять, мѣста, письма и другія въ отличіе отъ потомъ, дороги и такъ далѣе. Точно также, напимѣрь, употреблялъ ударенія и Сумароковъ въ «Трудолюбивой Пчелѣ». Редакторъ, не обозначая этихъ удареній, ставитъ удареніе вездѣ, гдѣ стихотворный размѣръ указываетъ на произношеніе для насъ необычное: *ѣя, обоихъ, пойманъ, съ дубинюю, хороштва и другія*. Мы можемъ читать ихъ какъ требуетъ размѣръ, но подчеркивать ихъ, ставя ударенія, излишне. Если бы у писателя оказались такія ударенія словъ, которыя не оправдываются живымъ языкомъ, то всетаки нельзя было бы навязывать поэту неестественныя произношенія. Онъ могъ просто отступить отъ стихотворнаго размѣра, но сохранить правильное удареніе. Напимѣрь, кажется, что слѣдующій Пушкинскій стихъ вполне возможно прочесть такъ:

И былъ глубокой экономя,
 То есть умѣлъ судить о томъ,
 Какъ государство богатѣетъ. . .

— съ нарушеніемъ размѣра, но съ естественнымъ удареніемъ; также у Крылова энклитическое *еще*:

Но время *еще* не уйдетъ

(«Огородникъ и философъ»). Въ изданіи Суворина 1895 года, страница 78, стоитъ удареніе: *еще*, кажется, безъ основанія.

Прежде чѣмъ обратиться къ тексту басенъ Майкова по изданію 1867 года, укажу еще всѣ случаи разницы этого текста съ изданіемъ 1766—1767 гг., которые должны считаться или недосмотрами, или ошибками редакціи, неправильно понимавшей дѣло исправленія орфографіи издаваемого писателя.

Изданіе 1766—1767 годовъ:	Изданіе 1867 года:
трясутся	тресутся (22, 39) ¹⁾
окна	окны (38)
прыгости	прыткости (38)

1) Здѣсь и далѣе цифра въ скобкахъ означаетъ: въ басняхъ Майкова номеръ басни по изданію П. А. Ефремова; при другихъ цитатахъ — страницу того изданія, изъ котораго приводятся примѣры.

нейду	не йду (2)
подъячіе	подзячіе (5)
пѣдра	пѣдры (6)
хорошаго (коня) <i>куня</i> поставили на стоило	хорошаго <i>коня</i> поставили на стойло (8)
<i>безспорно</i>	<i>безспорно</i> (9)
<i>имѣеъ</i>	<i>имѣль</i> (10)
<i>разспорвались</i>	<i>разспорились</i> (16)
<i>Окончанъ</i> разговоръ, Пошли окончить споръ	<i>Окончивъ</i> разговоръ, Пошли окончить споръ (20)
Пирожнова съ жаркимъ, и <i>соусовъ</i> даютъ	Пирожнаго съ жаркимъ и <i>соусомъ</i> даютъ (22) ¹⁾
отвѣдаемъ <i>ея</i> (извѣстной пищи)	отвѣдаемъ <i>ее</i> (22)
мышы	мышки (22)
<i>нравы</i>	<i>нравы</i> (25)
радя	радя (37)
Тогда <i>нидъ</i> <i>взялись</i>	Тогда — <i>и идъ</i> <i>взялись?</i> —
Амуръ со Гиминѣемъ	Амуръ со Гименеемъ,
Летали вкруктъ. . .	Летали вкруктъ. . . (42).

Исправленіе въ разстановкѣ знаковъ препинанія также требуетъ большой осторожности, потому что и здѣсь можетъ быть ошибка въ пониманіи мысли автора или теченія его рѣчи. Последнее особенно важно въ стихахъ или изящной прозѣ, гдѣ разстановка знаковъ можетъ обозначать ритмъ красивой рѣчи и основываться, кромѣ синтаксическаго разбора, на логическомъ и на чувствѣ образованнаго слуха, опредѣляющаго лучшее произношеніе словъ и фразъ. Въ этомъ отношеніи гораздо лучше изучить произведенія писателя со стороны ихъ пунктуациа, а не исправлять его работу, какъ сочиненіе школьника. Музыка рѣчи, безъ сомнѣнія, понимается поэтами лучше, чѣмъ учеными библиографами. Разстановка знаковъ въ ихъ произведеніяхъ даетъ указаніе на выразительное и звучное теченіе рѣчи въ живомъ произношеніи. Здѣсь комментарий къ поэту можно дать только въ томъ случаѣ,

1) Здѣсь недосмотръ оказался губительнымъ и для смысла фразы; вышло: *пирожное съ соусомъ*.

если изучать его стихи подобно тому, какъ изучаются они искусными артистами.

Приведу три случая исправленія текста въ этомъ отношеніи, которые вполне могли бы остаться безъ переменъ:

Изданіе 1766—1767 годовъ: Изданіе 1867 года:

На то въ отвѣтъ,	На то въ отвѣтъ:
Мой свѣтъ:	Мой свѣтъ,
Иль мнишь. . .	Иль мнишь. . . (2)
Ахти! пропаль, я	Ахти! пропаль я,
денежекъ лишился.	денежекъ лишился (11).
Какъ сами хотите,	Какъ сами хотите вы,
вы такъ ея толкуйте.	такъ ее толкуйте (22).

Риѣмы писателя всего лучше могутъ сохраниться при перепискѣ, печатаніи и перепечаткѣ, хотя и въ этомъ случаѣ мы найдемъ въ текстѣ П. А. Ефремова странное отступленіе: вмѣсто *ночно* (рифмуется съ: *заочно*) — *ночно* (въ изданіи 1766 года: *ночно*).

Прежде всего у Майкова нерѣдки риѣмы, несогласныя съ произношеніемъ, которыя показываютъ, что онъ недостаточно владѣлъ техникой стиха. Такъ онъ риѣмуетъ: слезно — бесполезно (11, 12), надѣжень — нѣжень (17), ледь — бѣдь (17), нѣтъ — ледь (17), веревки — издѣвки (20), сказалъ всѣмъ — (въ ремеслѣ) моемъ (27), свое — сіе (27), осель — сѣль (28), сбереть — вредъ (31), ѣмъ — (въ домѣ) всемъ (34), разорветъ — свѣтъ (37), нѣтъ — убьетъ (38), прижметъ — нѣтъ (42), вопіеть — нѣтъ (42). Что это не отраженіе особаго произношенія буквы е (какъ ѣ), видно изъ рѣдкихъ случаевъ подобныхъ риѣмъ у позднѣйшихъ поэтовъ, произношеніе которыхъ было, навѣрное, сходно съ нашимъ. Такіе риѣмы у Пушкина указаны Ө. Е. Коршемъ (*Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ*, томъ III, книга 3, страница 652). Замѣтимъ также у Жуковскаго: песь — чудесь («Двѣ загадки»), у Тютчева: нѣтъ — течеть (Сочиненія. С.-Пб. 1900, стр. 113), кланетъ — нѣтъ (тамъ же, стр. 442); у графа А. К. Толстого: плѣнь — временъ («Князь Михайло Репнинъ»). У новыхъ поэтовъ (А. М. Жемчужниковъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ) мы такихъ риѣмъ не найдемъ.

Также какъ поэтическую вольность, вѣроятно, нужно объяснять и рѣзмы: *пѣтухъ*—*слугъ* (7), *опровергъ*—*поверхъ* (24), *слугъ*—*духъ* (29)¹⁾. Обыкновенно: *прыгъ*—*мужигъ* (42), *берлогъ*—*легожъ* (42).

Далѣе въ рѣзмахъ Майкова мы найдемъ указанія на произношеніе окончанія прилагательнаго мужескаго рода: *скудной* (предложный падежъ женскаго рода)—*разсудной* (именительный падежъ мужескаго рода, 7), *прохожей* (именительный падежъ)—*рожей* (творительный падежъ, 7), *пищей*—*нищей* (именительный падежъ, 33), въ *кожѣ* *поросячей*—*подъячей* (именительный падежъ, 7). Изъ рѣзмъ увидимъ пропуски согласныхъ въ произношеніи: *несчастной*—*напрасной* (12), *поздно*—*розно* (32). Онѣ же покажутъ особыя ударенія: *лисы́* (именительный множественнаго)—*усы́* (28), *онѣ́*—*конѣ́* (32, но есть и *кони́*, 38); сравните у Крылова въ баснѣ «Муха и дорожные»: *конѣ́* *измучились*.

Рѣзма *ворожей*—*чужей* (родительный падежъ женскаго рода, 6) не понятна: можетъ быть, это неудачное созвучіе; можетъ быть, отраженіе народнаго произношенія.

Басни Майкова написаны хорошимъ литературнымъ языкомъ того времени, въ которомъ славянскій элементъ соединяется съ русскимъ, и самые чистые славянизмы встрѣчаются рядомъ съ самыми простонародными областными выраженіями.

Славянскій элементъ указываетъ вліяніе книжнаго языка на Майкова; русскій открываетъ намъ его живую рѣчь, которая была болѣе проникнута народными элементами, чѣмъ рѣчь позднѣйшихъ писателей. Развитіе русскаго литературнаго языка отъ Ломоносова до Пушкина происходило при такихъ условіяхъ, которыя мало содѣйствовали значительному усиленію въ немъ народнаго элемента. Главнымъ дѣятелемъ въ литературѣ былъ дворянскій классъ, отдѣленный иностраннымъ образованіемъ и образомъ жизни отъ народа и пренебрегающій имъ. Языкъ народа былъ *подлымъ* языкомъ, и мы до сихъ поръ смѣемся надъ многими простонародными выраженіями по предвзятости и, если можно такъ выразиться, по принятому въ наслѣдство вкусу. Не только Пушкинъ, но даже лучшіе изъ современныхъ намъ

1) Сравните Корша, та же статья, страница 650, гдѣ указаны подобныя рѣзмы у Пушкина и Державина.

писателей не рѣшаются вводить въ простонародный діалогъ чистую крестьянскую рѣчь. Въ 1860 году, Добролюбовъ осмѣялъ одну изъ подобныхъ попытокъ (Сочиненія. С.-Пб. 1871, т. III, стр. 271).

Эстетическими соображеніями этого объяснить нельзя. Свѣжесть и красота народной рѣчи указывается тѣми писателями, которые ея не избѣгаютъ (Л. Толстой въ драмахъ; иногда В. Г. Короленко въ рѣчи крестьянъ, передаваемой въ нѣкоторыхъ случаяхъ, надо полагать, по точнымъ записямъ; многіе, такъ называемые писатели народники, особенно Г. И. Успенскій). Вторымъ условіемъ, неблагопріятствующимъ народному элементу въ русскомъ литературномъ языкѣ, было совершенное невѣжество народа, который въ эпоху образованія литературнаго языка былъ неграмотнымъ. Безсловесная крѣпостная масса не могла оказать вліянія на развитіе языка. Теперь измѣненіе литературнаго языка въ направленіи сближенія съ народнымъ считается уже невозможнымъ¹⁾. Но то, чего не могли бы сдѣлать разные ревнители русскаго слова, можетъ произойти само по себѣ вслѣдствіе начавшагося и распространяющагося образованія народа²⁾. При всемъ своемъ быстромъ и прекрасномъ развитіи русскій языкъ въ современномъ намъ состояніи не достигъ полного совершенства³⁾: напимѣръ, строеніе фразъ и соединеніе предложеній въ языкѣ лѣтописей, грамотъ, старыхъ актовъ было и проще, и естественнѣе, чѣмъ въ нынѣшнемъ; въ языкѣ книгъ еще нерѣдко можно найти теперь чуждый народной рѣчи періодъ. Здѣсь языкъ не выигралъ, а проигралъ. Древняя фраза легка, жива, проникнута разговорнымъ началомъ; современная — тяжела, суха, мертва, длинна. Чрезвычайно простая по своей конструкціи рѣчь нѣсенъ, записанныхъ въ 1619—1620 годахъ для Ричарда Джемса можетъ поспорить по своей силѣ и выразительности съ стихами нашихъ лучшихъ поэтовъ, изъ которыхъ народное строеніе рѣчи можно ука-

1) Опытъ русской діалектологіи А. И. Соболевскаго, С.-Петербургъ. 1897, страница 2.

2) Можетъ отразиться на языкѣ и появленіе новыхъ центровъ образованности. Напимѣръ, въ Петербургѣ терпимы къ мѣстнымъ сѣвернымъ формамъ: *быль уставши, одтъ пальто*.

3) Что развитіе русскаго литературнаго языка не закончилось, что онъ долженъ совершенствоваться, положительно высказывалось не очень давно передовыми дѣятелями литературы и науки въ 60-хъ годахъ: Н. А. Добролюбовымъ (Сочиненія. С.-Пб., 1871, т. III, с. 353) и И. И. Срезневскимъ («Чтеніе о языкѣ Крылова»).

зать только у Кольцова. Изъ современныхъ писателей безыскусственностью, легкостью, живостью, выразительностью отличается фраза А. П. Чехова, который сдѣлалъ шагъ впередъ въ обработкѣ самаго литературнаго языка¹⁾.

Опредѣлимъ сначала славянскій элементъ въ басняхъ Майкова. Это прежде всего славянскія слова: *воплютъ* (4), *воззри* (4), *вопшати*, *вопросить* (4, 7), *возможеть* (2), *внемлетъ* (4, 6, 18, 22, 41), *вптръ* (20, 37), *взоры* (28), *внимала* (25, 30), *вмочерній* (27), *дщери* (12), *единый* (11, 35), *зрю* (2, 4, 24, 42), *узрѣмъ* (28), *испустить* (11), *колико* (2), *лется* (6), *многожды* (14), *мнишь* (2, 12, 21, 24, 26, 29), *око* (2, 36, 37), *обрѣтають* (15), *отверзлись* (12; въ фразѣ есть оттѣнокъ важности: *отверзлись* наконецъ судейскія врата), *одра* (41), *оный* (19, 38), *область* (въ значеніи: власть, 10), *подземлетъ* (4), *пріемлютъ* (6), *преставился* (12, 40), *предвозвѣщала* (39), *пря* (16), *рекъ* (39), *сотворилъ* (21), *содѣлала* (20), *соборъ* судей (12), *сокрыло* (9), *спуди* (9), *сей* (2, 3, 10, 12, 16), *тако* (4, 12, 16, 21, 24), *тамо* (20), *толь* (= столь, 12), *таковой* (28).

Но, говоря о славянизмахъ, слѣдуетъ не упускать изъ виду двухъ обстоятельствъ: 1) то, что мы представляемъ славянскою примѣсью въ языкѣ старыхъ писателей, для нихъ самихъ, согласно съ утвердившимися въ то время понятіями о языкѣ и стилѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, было закономъ языка; такъ напримѣръ, формы именъ прилагательныхъ родительнаго падежа женскаго рода съ окончаніями *ыя*, *ія* для «важной рѣчи» требуются всѣми старыми грамматиками: Ломоносова, Барсова, Греча, Востокова; 2) точное разграниченіе славянскаго и русскаго иногда представляетъ большія трудности: а) напримѣръ, слова *сей*, *око* кажутся славянскими; но *сей* есть въ великорусскихъ говорахъ²⁾; *очи* есть въ малорусскомъ нарѣчій и бѣлорусскомъ (око,

1) Хотя и у него, въ рѣдкихъ случаяхъ, есть тяжеловатая по своей отвлеченности и сложности сочетанія фразъ, напоминающія Л. Н. Толстого. Напримѣръ, въ повѣсти «Дуэль» по изданію 1899 года, страницы: 14 (съ начала страницы до словъ Лаевского), 20, 28—29, 62—63 (отъ слова «длинные» въ концѣ 62 страницы до точки), 150—151 (отъ словъ «въ самомъ дѣлѣ» до точки), 203—204 (отъ слова «онъ» до точки), 206 (отъ слова «истина» до точки). Но и здѣсь большинство случаевъ—изображеніе «тягучихъ» мыслей Лаевского.

2) Въ Шенкурскомъ уѣздѣ говорятъ: *сей-годъ*; въ Покровскомъ уѣздѣ: до *сыла* поръ; всѣ говорятъ: ни то ни *сѣ*, *сейчасъ*, *сегодня*; сравните также данныя въ Допол-

воко); въ областныхъ великорусскихъ говорахъ есть: *воочью*, *заочью*; въ русскомъ языкѣ нѣтъ *оный*, но есть *онъ*, *она*, *оно*; б) есть случаи, когда мы встрѣчаемъ какъ будто славянскія слова и образования тамъ, гдѣ ожидали бы русскихъ; это — собственные имена: *Десна*, *Шуя*, *Ярославль*, *Володимирь* (до сихъ поръ сохранило свою форму въ мѣстномъ народномъ нарѣчїи), *Изборскъ* (по-русски употребляется префиксъ *вы*); с) есть слова, не принадлежащія ни тому, ни другому языку, на примѣръ: народное *преже*, составленное изъ русскаго *перезе* и славянскаго *прежде*.

Даже не производя справокъ и разысканій, можно замѣтить, что славянскія слова, взятыя Майковымъ, были очень употребительны въ книжномъ языкѣ того времени. Писатели XVIII столѣтія заимствовали изъ славянскаго языка извѣстный кругъ словъ, которыми и пользовались всегда въ языкѣ стиховъ для размѣра и рѣимъ. Въ поэтическомъ языкѣ эти слова сдѣлались ходячими, общепринятыми и перешли въ слѣдующее столѣтіе. Многія изъ указанныхъ славянизмовъ можно найти у Пушкина (въ самыхъ лучшихъ общеизвѣстныхъ стихотвореніяхъ: *мню*, *сокройся*, *единый*, *снемлетъ*, *зритъ*). Они есть и у позднѣйшихъ поэтовъ, на примѣръ, у А. Н. Майкова, Некрасова. У послѣднихъ находимъ славянскія слова, усвоенныя литературѣ частымъ употребленіемъ лучшихъ писателей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребленіе славянскихъ словъ происходитъ отъ сложившагося мнѣнія о ихъ особомъ соотвѣтствїи для изображенія важныхъ предметовъ и мыслей. Хотя въ извѣстныхъ случаяхъ славянизмы не замѣнимы: на примѣръ, когда русское и славянское слово отличаются по значенію: *пастыръ* и *пастухъ*, *чравъ* и *чоровъ*, *главный* и *головной*; но въ другихъ случаяхъ мнѣніе о томъ, что славянскія слова придаютъ величіе и возвышенность языку, зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ вкусовъ и понятій людей, воспитанныхъ на старой, усвоившей немало славянскихъ элементовъ литературѣ. Сильная славянская окраска даже такихъ произведеній, въ которыхъ она всего болѣе умѣстна — на примѣръ, «Изъ Апокалипсиса» А. Н. Майкова, «Новый Завѣтъ» въ пере-

---

неніяхъ къ Опыту областного словаря и въ словаряхъ Подвысоцкаго и Куликовскаго; правда, что многіе изъ этихъ случаевъ могутъ объясняться какъ остатки мѣстоименій *сесъ*, *сл*, *се* (сравните: тотъ, та, то), свойственныхъ старому русскому языку.

водѣ Жуковскаго — не отвѣчаетъ понятіямъ и вкусамъ нашего времени. Даже церковные писатели, переведившіе Библию, не имѣли такого преувеличеннаго понятія о достоинствахъ славянскаго языка и думали лучше о русскомъ. Если старославянскій языкъ въ IX столѣтіи могъ передать всѣ утонченныя и возвышенныя понятія Священнаго Писанія, то неужели русскій языкъ, который развивался послѣ этого въ теченіе тысячи лѣтъ, еще не въ состояніи этого сдѣлать? И можно ли считать хорошимъ переводъ съ одного языка на другой, въ которомъ многое старались оставить безъ перевода?

Но обратимся къ Майкову. Онъ относился къ языку непосредственно и, вѣроятно, мало думалъ о томъ, чтобы сообщить стихамъ тотъ или другой характеръ искуснымъ употребленіемъ двухъ равноправныхъ въ то время стихій. Славянизмъ былъ для него, повидимому, звуковой формой, которую онъ всегда бралъ, если она годилась, и за которой нисколько не гнался, если можно было обойтись безъ нея. У него былъ какой-то инстинктъ къ народному и разговорному языку, простой и вѣрный вкусъ, который выразился и въ «Одѣ о вкусѣ А. П. Сумарокову», гдѣ Майковъ порицаетъ пышность и громъ въ стихахъ и требуетъ отъ слога чистоты и ясности, — и въ нападкахъ на выпрежняго В. П. Петрова. Славянскій языкъ оказалъ большую услугу выработкѣ русскаго стиха. Съ его помощью заговорила русская поэзія, получивъ въ немъ для себя обильный источникъ выраженія, но въ своемъ развитіи она обогащалась уже на счетъ чисто русскаго языка, и славянизмъ долженъ былъ отпадать самъ собою. Поэты становятся болѣе и болѣе виртуозами собственнаго языка и не нуждаются въ чужой помощи. По чувству языка, по здоровому отношенію къ славянскому элементу В. И. Майковъ приближался къ позднѣйшимъ замѣчательнымъ писателямъ: они также, только съ большею умѣлостью и умѣренностью, пользовались славянскимъ языкомъ, но не создавали для него теорій, которыя все равно не сдѣлали бы его болѣе устойчивымъ.

Въ звуковомъ отношеніи для поэтическаго языка особенно полезны были неполногласныя славянскія формы. У Майкова находимъ: *блато* (4), *мась* (16, 19, 23), *злато* (2, 10, 12), *затилъ* (21), *златую* (34), *врата* (12), *драгой* (35), *древа* (4, 15, 36, 42), *престанъ* (11, 32), *премъна* (25), *сребро* (12).

Другую судьбу имѣли славянскія формы склоненій и спряженій: онѣ исчезли изъ нашего языка, такъ какъ, за небольшими исключеніями, давали мало выгодъ поэзіи и прозѣ и мало поддерживались живымъ языкомъ, который, заимствуя чужія слова, склоняетъ и спрягаетъ ихъ по своему.

Но и теперь еще есть славянизмы въ фонетическихъ формахъ (растеніе, друзья, рожденіе, священникъ); во времена Майкова ихъ было больше. Онѣ употребляетъ: *змія* (31), *змій* (именительный падежъ множественнаго числа), *третія*, *провождаетъ* (13, *риемуется съ побѣждаетъ*), *мещуть* (26, 37). Случаевъ послѣдняго рода много осталось въ литературномъ языкѣ (*ропцеть*, *возвращу*, *трепещу* и пр.), но были попытки замѣнить и здѣсь славянизмы русскими формами. Такъ у Тютчева (Сочиненія, стр. 319) находимъ:

Смиренную иль ропчущую братью
Своей косою равняетъ всѣхъ она.

Такъ какъ въ поэзіи очень важно получить иногда лишній слогъ, то въ стихотвореніяхъ XVIII вѣка предлоги часто являются въ славянской формѣ. У нашего писателя: *во* званіи (27), *во* вышніе предѣлы (37), *ко* украшенію, *ко* мужику (42), *со* Адамомъ (22), *со* добромъ (26), *со* выдрами (26), *со* человѣкомъ (26), *со* трепетомъ (28), *со* розой (35), *изо* всѣхъ (6), *сожечь* (6).

Славянскія формы склоненій находимъ въ дательномъ падежѣ женскаго рода на *и* и въ творительномъ на *ими*:

По землѣ (Не всякій по земли скитаться будетъ звѣрь, 26). Сравните у Тютчева (стр. 60):

А я здѣсь въ потѣ и пыли
Я, царь земли, приросъ къ земли.

Истоминъ отмѣчаетъ такой случай у Ломоносова (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, XXXV, 29, приложения), также у Дмитріева, Крылова, но исключительно въ словѣ *земля*. Это показываетъ, что наши писатели употребляли не извѣстную форму, а только одно слово съ даннымъ окончаніемъ. Основаніемъ такого употребленія могло служить, кромѣ примѣра Ломоносова, существованіе этой формы слова

земля въ народномъ языкѣ: такъ, напримѣръ, и теперь говорятъ въ Новгородскомъ уѣздѣ по Волхову.

Творительный на *ѣми* видимъ не только въ словахъ: смертми, мыслми (37), звѣрми (21), но даже въ словѣ *чертми*, гдѣ оказалъ вліяніе на данную форму именительный падежъ множественнаго числа *черти* (сравните: звѣри — звѣрми).

Въ склоненіи прилагательныхъ славянизмовъ — дѣйствительныхъ или кажущихся — найдется больше. Таковъ родительный падежъ членныхъ и нечленныхъ прилагательныхъ (или мѣстоименій и причастій): бѣдныя, средь склизкія дороги (16), крестьянскія кобылы (42), *сея* духовной (12);

холма высока (36), толста древа (36), умерша льва (28), (меня) несущая (37), мужика грудящая (42);

дательный падежъ: по цесарску указу (14);

именительный и винительный падежи множественнаго числа:

робтющи его (грома) не выдутъ изъ хоромъ (38); инъ будь всё *мнѣши* такъ, старухамъ симъ подобны (38); *сладчайши* соки (31); *лижа дымѣши* раны (42).

Но больше всего встрѣчаются подобныя особенности въ формахъ именительнаго падежа женскаго и средняго рода, винительнаго женскаго и именительнаго падежа множественнаго числа всѣхъ родовъ:

а) бѣдна тварь (4), котора (4), вещь бездѣльна... собачка постельна (6), огненна рѣка (6), вселенна (6), навозна вонь (8), крута гора (38), безумна (20; звательный падежъ), имѣя сердце нѣжно (11), мастерство приспѣшно (7);

б) тиху жизнь (41), тварь бѣдну погубя (5), вселенну (6), горбату спину (22), выпущенну крысу (22), вчерашню кость (25), едину (22), картину живу (24), рѣчь конску (8), баснь подобну (11), духовну (12), десятю долю (12);

в) прокляты ворожбы (6), которы (21), невинны души (34), пламенны стрѣлы (37), небесны высоты (37), гнѣвны зубы (39).

Носимъ въ выраженіи: «Корабль, свирѣпыми *носимъ* волнами въ морѣ, лилася всѣхъ снастей, ужъ мнить погибнуть вскорѣ (29)» — можетъ быть понято и какъ опредѣленіе, и какъ сказуемое съ подразумеваемымъ глаголомъ *будучи*.

Въ глаголахъ славянизмами являются: неопредѣленное наклоненіе

на *ти*: *липати* (6), *исполнити* (12), *услышати* (19), *рѣшити* (24), *равняться* (35), *гремѣти* (38), *сидѣти* (40), *искати* (40)

и причастіе на *з*: *сопедз* (25), *вопедз* (28).

Близкими къ славянизмамъ или совершенно славянскими являются также по формѣ или употребленію нѣкоторые мѣстоименія, нарѣчія, предлоги: *кой* (господинъ, при *коемъ* много слугъ, 29), *коя* (*коя* прилетитъ къ находкѣ прежде, той будетъ серебро, 15), *оттоль* (26), *отколь* (26), *отсель* (подите вонъ *отсель*), чурбанъ *отъ* высоты упалъ (4), пришелъ *передъ* судей (12), вернули *передъ* судей (12).

Почти всѣ приведенныя формы именъ и глаголовъ мы называемъ славянизмами условно. Такъ, употребленіе предлоговъ *ко*, *со*, *во*, дательный-предложный: *земли*, творительный, въ родѣ: *костьми*, родительный падежъ прилагательныхъ женскаго рода на *ья*, нечленныя склоненія, неопредѣленное наклоненіе на *ти* — есть въ великорусскихъ говорахъ. Но надо думать, что для писателей эти формы всѣ были славянизмами, почему они и исчезли изъ литературнаго языка.

Въ извѣстный періодъ движеніе противъ славянскаго элемента въ языкѣ усилилось на столько, что не терпѣлись и русскія формы, совпадавшія съ славянскими. Тѣмъ болѣе, что ихъ въ большинствѣ случаевъ не было въ московскомъ нарѣчій. Впрочемъ, многія изъ этихъ русскихъ формъ, вѣроятно, не обращались въ языкѣ образованнаго общества. Даже внѣшнее совпаденіе нѣкоторыхъ русскихъ формъ съ славянскими привело къ тому, что первыя имѣли одинаковую судьбу со вторыми: были изъяты изъ обращенія въ языкѣ. Языкъ создавался не теоретиками, а практиками, не правилами, а употребленіемъ, не анализомъ фактовъ и отношеній, но чутьемъ и вкусомъ: вотъ почему въ немъ наблюдаются явленія непослѣдовательныя съ грамматической точки зрѣнія. Люди, пишущіе на основаніи грамматической теоріи, не смѣшали бы нечленныхъ прилагательныхъ русскаго и славянскаго языка съ формами подобными: *котора*, *вселенна*, представляющими позднѣйшее стяженіе, происшедшее въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, или славянскія *кій*, *кая* съ русскими *кой*, *коя* (часто слышатся въ московскихъ говорахъ).

Сдѣлаемъ нѣсколько указаній на славянскій элементъ въ языкѣ поэтовъ позднѣйшаго времени.

Пушкинъ, признавая всѣ права народнаго языка, не избѣгалъ сла-

вянизмовъ и своимъ вліяніемъ удержалъ ихъ въ поэзіи до нашего времени. Едва ли кто изъ послѣдующихъ писателей имѣлъ такой интересъ и любовь къ простонародному языку, къ его особымъ словамъ, выраженіямъ, пѣснямъ, сказкамъ, и также едва ли кто усвоилъ такъ много изъ книжнаго языка предшествующей эпохи, какъ нашъ великій поэтъ. Чтобы убѣдиться, что проза его отражаетъ языкъ минувшей эпохи, можно сравнить ее съ языкомъ его стиховъ или, еще лучше, писемъ. «Прозой пишу я гораздо неправильнѣе» (чѣмъ стихами), говоритъ онъ въ одной замѣткѣ (Сочиненія, V, 135, по изданію П. О. Морозова). О Ломоносовѣ Пушкинъ писалъ: «Слогъ его ровный, цвѣтущій и живописный заимлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія его съ языкомъ простонароднымъ» (Тамъ же, V, 28). Въ замѣткѣ о стихотвореніи Батюшкова: «Тибуллова эллегія III-я. Изъ III-й книги» Пушкинъ говоритъ: «Стихи замѣчательные по счастливымъ усѣченіямъ; мы слишкомъ осторогаемся усѣченій, придающихъ много живости стихамъ» (*Л. Н. Майковъ*. Пушкинъ. С.-Пб. 1899, стр. 301). Въ другомъ случаѣ Пушкинъ какъ будто сознается, что онъ недостаточно близокъ къ народному языку: «Я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской уточенности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе» (Сочиненія, т. VII, стр. 57). Нѣкоторыя слова Пушкинскаго языка теперь уже не могутъ быть употреблены даже въ книжномъ языкѣ; таковы, на примѣръ: *елень*, только что приведенное *заемлетъ*, *пѣитъ*, *рѣшитъ* въ значеніи настоящаго времени.

Живой языкъ Пушкинскаго времени былъ, конечно, чище литературнаго. Для доказательства можно сослаться на «Горе отъ ума» Грибоедова. Оно написано идеально чистымъ разговорнымъ языкомъ. Небольшое число славянизмовъ, которые въ немъ найдутся, оправдывается разговорнымъ языкомъ. Мы употребляемъ и слышимъ: *излить* желчь, *возсылалъ* желанья (обыкновенно: возсылалъ мольбы), *возбудитъ* (нервы), *престыкъ* сношенія, *престычь* зло, *безпрерывно*, мыслей *здравыхъ*, съ *дражайшей* половиной, сердца *биенье*¹⁾, *расточитель*, *пренье*,

1) Сравните у графа А. А. Голеницева-Кутузова: *биенье* сердца («Зимой», Сочиненія, т. I, стр. 128). Слово искусственное.

свѣта *преставленіе*, *монархизмъ* лицомъ. Между славянизмами «Горя отъ ума» есть слова книжнаго происхожденія, вытѣснившія народныя, есть искусственно образованныя. Первые: *прахъ* (чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый казался *прахъ* и суета; боялся, *прахъ* его возьми!); вторыя: *невозвратно*, *необозримый*, *благодѣтельный*. Мы, можетъ быть, сказали бы: умъ, *алчущій* познаній или что-нибудь подобное, какъ говоримъ: *жажда* знанія; но мы не скажемъ вмѣстѣ съ Чацкимъ: «отъ матерей, отцовъ *отторженныхъ* дѣтей»; «вотъ мѣры *чрезвычайны*, чтобъ въ зашеи прогнать и васъ и ваши тайны» — или вмѣстѣ съ Фамусовымъ: «куда какъ *чуденъ* созданъ свѣтъ!». Сравнивъ съ языкомъ «Горя отъ ума» языкъ комедіи «Молодые супруги», мы увидимъ, что Грибоѣдовъ сознательно стремился очистить свой языкъ отъ славянскаго элемента. Въ этой небольшой комедіи славянизмовъ сравнительно не мало: *сей*, *пріемлетъ*, *обръсть*, *премънять*, *вопѣтъ*, *преклонить*, *премъчливость*, *внимать*, *отерацалъ*, *есмь* (я впрямъ несправедливъ, и былъ, и *есмь*, и буду); нечленныя прилагательныя встрѣчаются часто. Въ басняхъ Крылова не мало найдется славянскаго, особенно въ первыхъ редакціяхъ басенъ: *воземля*, *возопилъ*; стихійныя войны, Эолова владѣнія бурлива, жизнь дѣвическа, жизнь вести уныла, одиноку, умилны ямочки пропали на щекахъ, да продлить, и другія.

Если мы обратимся къ произведеніямъ поэтовъ нашего времени, то и у нихъ будемъ изрѣдка встрѣчать славянизмы. Это живые слѣды вліянія Пушкина и его школы; или иногда отголоски старыхъ понятій о «важности» славянскихъ словъ и оборотовъ, говоря проще и прямѣе: употребленіе «высокаго штиля».

Напримѣръ у А. М. Жемчужникова найдемъ: *нисшедшую* (10)¹⁾, *въжды* (16), *возлетѣвъ* (25), *лаголъ* (въ значеніи: слово; 26, 54), *сокрытъ* (39, 120), *внемлю* (48, 113, 218), *вотще* (53, 81, 89), *объятъ* (54, 121, 182, 199), по всей долинѣ *злачной* (111), *юдоль* (120), *бдите* (139), *бдѣнье* (140), *мнится* мнѣ (148; томъ II, 173), *стезя* (по жизненной *стезь* осмысленно онъ шелъ, 169; и засоряется метеная *стезя*, 224), *спнь* (190), *восмѣдъ* (стр. 107)²⁾, *виоющейся* (109),

1) Цыфра означаетъ страницу перваго тома по изданію стихотвореній 1898 г.

2) Здѣсь и далѣе цыфра обозначаетъ страницу втораго тома.

поэмы *тихошественная* рѣчь (110), противорѣчаемъ ни *единымъ* не оскорблялся чуткій слухъ (119), *влачилиъ* усталые шаги (125; обыкновенно говорить: ноги), такъ начали *пецись* о дѣтяхъ горячо (171), *зиждется* (199), судя, читатель, *неумытно*, признай же... (243).

Славянскій элементъ въ произведеніяхъ старыхъ поэтовъ въ нѣкоторой степени объясняется тѣмъ, что въ невыработанномъ литературномъ языкѣ находилось еще мало средствъ для выраженія мысли и сложенія стиховъ; кромѣ того, писатели находились подъ сильнымъ вліяніемъ старой славянской или полуславянской книжности. Поэты нашего времени употребляютъ славянизмы только потому, что не стремятся избѣгать ихъ. Если исключить тѣ случаи, въ которыхъ славянизмъ имѣетъ особое назначеніе: сообщить рѣчи извѣстный библейскій колоритъ, то во всѣхъ другихъ славянскія слова употребляются какъ усвоенныя языку. Но такими можно считать только слова, вошедшія въ живой языкъ народа, по крайней мѣрѣ, образованнаго класса. Въ говорѣ этого класса нѣтъ словъ: *внемлю*, *обязтъ* и тому подобныхъ. Эти слова отжили свое время, потому что языкъ нельзя считать неподвижнымъ. Съ теоретической точки зрѣнія приведенныхъ славянизмовъ слѣдовало бы избѣгать, какъ и неумѣстныхъ вульгаризмовъ, которые мы найдемъ у того же поэта: «слезъ больше, нежели *чернила*», говоритъ баронъ (II, 73); «Ардатовъ, *кушаньево* я этакихъ не ѣмъ», говоритъ княгиня (II, 32); «не могъ я *совладать* съ озлобленнымъ умомъ» (II, 91).

Укажемъ славянизмы въ небольшой книжечкѣ стихотвореній Владимира Соловьева по московскому изданію 1891 года. При этомъ мы не будемъ считать двухъ стихотвореній: «Въ землю обѣтованную (разсказъ изъ Библии)» и «Хвалы и моленія Пресвятой Дѣвѣ», гдѣ, по особымъ причинамъ, много весьма старыхъ славянизмовъ (*се, тѣствнца, да утолится* и другіе). Здѣсь найдемъ: *безбрежный* (7), *низринуты* (23), *сей* (29), *исшедшій* (35), я иду какъ *агнецъ* кроткій, *обреченный* на *закланье* (41), *пламень* (49), *единный* (56), *взоръ* (59), *вотще* (59).

Въ «взящномъ, ровномъ и пластичномъ» стихѣ графа Голенищева-Кутузова славянизмовъ особенно много: *дерзну* (1)¹⁾, *забвенье* (7), *лобзанье* (8), *ложе* (8), *внимая* твой напѣвъ (8), *обязтъ* (9, 10), *прерветъ*

1) Цыфра означаетъ страницу I-го тома Сочиненій. С.-Пб. 1894.

(10), *утлый* (10), *внимаю* (13), *нисходитъ тѣнь* (14), съ *подъятой* гордо головою (16), и, *отвратясь*, тихонокъ плачу (19), *дольній міръ* (21), *поморіе* (26), *враны* (48), куда *текли* всѣ русскія дружины (53), *собенный* (59), *восклицать* (63), *пѣснь* (72), *ласъ* (98, 105), *благодѣянія* (101), *лаголъ* (въ значеніи: слово, 102), *почіетъ* (103), среди торжествующей хулы на *Духа Свята* (102), *златитъ* (104), *лава* (104), *сей* (109), *длань* смерти (114), *очи* (115), *ниспадетъ* покровъ (116), *стражъ* (128), *ограждены* деревъ густыхъ стѣнами (138), *бряцанье злата* (144), *взоръ* (144), я ихъ *пріялъ* изъ Божьей *длани* (174), *да не коснется* власть земная (174), *подвижнешь* (173), *алкаетъ* (175), *подъемлю* (193), *цпню* (199), *во слѣдъ* (206). «Подражаніе Исаи» (125) переполнено славянизмами. Правда, что наиболѣе устарѣлые славянизмы (*ласъ*, *златитъ*, *лава*) мы найдемъ только въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ Пушкину и Майкову, гдѣ поэтъ, вѣроятно, хотѣлъ писать въ ихъ стилѣ. Но это одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ наши поэты задаются стилистическими цѣлями. Вообще стремленіе писателей къ усовершенствованію языка въ стилистическомъ отношеніи со времени Карамзина, Пушкина, Гоголя значительно ослабѣло, хотя языкъ много улучшился въ силу естественнаго прогресса. Но сравнимъ языкъ первыхъ, недавно открытыхъ Ѳ. А. Витбергомъ басенъ Крылова¹⁾ съ его послѣдующими баснями, также первыя редакціи басенъ съ послѣдними, или языкъ нѣкоторыхъ мѣстъ темной и романтической прозы въ первыхъ произведеніяхъ Гоголя съ прозой «Мертвыхъ душъ», гдѣ ровный рассказъ выработанъ на столько, что кажется безыскусственнымъ, и гдѣ знаменитый писатель съ одинаковымъ мастерствомъ пишетъ въ разныхъ стиляхъ: рассказчика — собесѣдника (напримѣръ, таково начало поэмы), классическаго описателя (картины природы), драматурга (разговоры), лирика (отступленія). Тогда убѣдимся, какъ много работали надъ своимъ слогомъ писатели того времени, и какіе они дѣлали въ этомъ отношеніи замѣчательные успѣхи.

Но обратимся къ поэтическому языку графа Голенищева-Кутузова. Въ немъ найдется еще нѣсколько данныхъ, показывающихъ, что поэтъ стоитъ ближе къ старому книжному языку, чѣмъ къ современному разговорному. Такъ, особенно для сравненія съ Василиемъ Ива-

1) Первые басни И. А. Крылова. С.-Пб. 1900.

новичемъ Майковымъ, обратимъ вниманіе на случаи употребленія окончанія *ся* послѣ гласной буквы: *забывшися* (110), *явилася* (171), *сбиралося* (197), *забываюся* (205) и другія. Такъ какъ поэтъ не обнаруживаетъ пристрастія къ народному языку, то, вѣроятно, онъ употребляетъ эти формы не какъ народныя; тѣмъ болѣе, что въ народномъ языкѣ мало употребительны дѣепричастія на *вши*, и отъ него трудно воспользоваться формами какъ *забывшися* или *прижавшися* (II, 5). Архаизмомъ же является и: *заблудшій* («*заблудшій* въ тѣмѣ и духомъ обнищальнѣй» (народъ), 98). У нашего поэта найдемъ даже Пушкинское: *музыка* («волнуется подъ громъ веселья и *музыки*», II, 203).

Разсмотримъ теперь формы языка басень В. И. Майкова, сгруппировавши отмѣтки, сдѣланныя по изданію 1867 года и свѣренныя съ изданіемъ 1766—1767 годовъ. У насъ остался для разсмотрѣнія русскій языкъ писателя. Здѣсь особенности языка во многихъ случаяхъ будутъ объясняться происхожденіемъ автора, внеспаго въ языкъ своихъ басень черты своего ярославскаго говора, который вообще не представляетъ большихъ отличій отъ современныхъ намъ сѣверныхъ говоровъ. Русскій языкъ Майкова является — какъ и языкъ другихъ писателей его времени — имѣющимъ болѣе сильную народную окраску, чѣмъ современный, до нѣкоторой степени искусственный и не свободный.

Онъ пишетъ, какъ мы: ломають (18), разломаю (34), рождаетъ (42). Можетъ быть, онъ такъ и говорилъ, какъ теперь говорятъ эти слова въ окающихъ нарѣчіяхъ. Въ литературномъ языкѣ правописаніе полагать, касаться при положить, коснуться, должно быть, церковно-славянское. Оно непослѣдовательно (ломать). — У него по-сѣверному: кокушку (23), кокушечки кокують (22).

Замѣчательны: поядимъ (22), ядятъ (27). Первое находится въ рѣчи крестьянки, но второе въ рѣчи самого автора. Впрочемъ, можно все-таки замѣтить, что Майковъ пытался ввести въ рѣчь простолюдиновъ живыя особенности ихъ языка. Такъ, самъ онъ употребляетъ слово *ночлеги* (9), но въ рѣчи той же крестьянки видимъ *наслеги* (22). Въ народномъ діалогѣ и Майковъ, и другіе писатели XVIII вѣка были ближе къ народному языку. Напримѣръ, у Сумарокова старуха простолюдинка въ одной изъ его комедій цокаетъ («Опекунь», Сочин., М., 1787 г., стр. 45: *цесной*, стр. 46: *яблоцко*); она также говоритъ: *поядаетъ* (тамъ же, стр. 46). Писатели XIX вѣка сильно поддаются условнымъ

эстетическимъ теоріямъ, по которымъ народное считается грубымъ, и народная рѣчь не принимается въ діалогъ народа. Она или сочиняется, или подправляется, какъ долгое время подправляются и памятники народнаго творчества. Дошедшія до насъ живыя и бойкія интерлюдіи XVIII вѣка по своему чистому народному языку стоятъ гораздо ближе къ приёмамъ реалистической литературы, чѣмъ огромное большинство случаевъ современнаго намъ народнаго діалога. Баснописецъ Крыловъ, затмившій всѣхъ своихъ предшественниковъ, въ письмѣ къ В. А. Олениной употребляетъ слово *пужать*¹⁾, но крестьяне въ его басняхъ никогда не скажутъ чего-либо подобнаго. Стихъ: «Которымъ все *опричь* себя постыло» исправляется имъ на: «Которымъ все *кромь* себя постыло», при чемъ, чтобы избѣжать слишкомъ народнаго *опричь*, берется даже слово съ малоупотребительнымъ удареніемъ. (*Кеневичъ*, Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова, С.-Пб., 1868 г., стр. 124. Сравните: *А. Кирпичниковъ*, Очерки по исторіи новой русской литературы, С.-Пб. 1896, стр. 193, примѣчаніе 1).

Произношенія въ родѣ *ядимъ* извѣстны и теперь въ говорахъ Ярославской губерніи (Діалектологія *А. И. Соболевскаго*, страница 38)²⁾.

По сѣверному Майковъ употребляетъ *вить*: «*Вить* мы еще ее глазами не поѣли»; «*вить* баринъ заказалъ вскрывать намъ это блюдо» (22).

Также по народному: солнушко (39, 42).

Областному просторѣчю обязаны, вѣроятно, почти всѣ случаи пропусковъ гласныхъ: *шелся* (7), *взордьясь* (19), *по зву* (19)³⁾, *взнегодовали* (19, 24), *выкрабкался* (39), *сестръ* (15).

Но отпаденіе гласнаго въ частицахъ *бъ*, *жъ* необычно въ сѣверныхъ говорахъ. Частые случаи ихъ употребленія нужно объяснять вліяніемъ поэтическаго языка и московскаго нарѣчія: *чтобъ* (9, 12, 20), *хотябъ* (10), *гдѣбъ* (11), *ходя бъ* босикомъ (27), *злата бъ* множество (10); откуда *жъ* (10), *волки жъ* (9), *на волю жъ* (42).

Въ словахъ *пойманъ*, *поймать* у Майкова гласный звукъ вмѣсто нашего согласнаго («*пойманъ* воръ въ *разбоѣ*», 10; «онъ (рыбакъ) мо-

1) Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Академіи наукъ, т. VI, стр. 277.

2) Отъ уроженца Старицкаго уѣзда я также слышалъ произношеніе: *полдѣя* (при чтеніи Евангелія).

3) У Крылова, въ басняхъ: «*Пиръ*», «*Кукушка и горлинка*».

жегъ поимать повсюду», 5)¹⁾; но рядомъ находимъ: стойло (8), пойло (8). По-сѣверному иногда — стоило, поило (Владимірская губернія). Въ этомъ случаѣ нужно не забывать того очень вѣрнаго мнѣнія, что писатели, сохраняя нѣкоторыя особенности своего природнаго нарѣчія, конечно, болѣе другихъ воспримчивы въ особенностяхъ общенароднаго языка и пишутъ всегда не на діалектѣ, но на общелитературномъ языкѣ съ небольшими діалектическими примѣсями.

Согласные звуки литературнаго языка отличаются большой устойчивостью, какъ и въ московскомъ нарѣчіи. Поэтому, мы найдемъ у Майкова очень мало отличій отъ современной образованной рѣчи. Есть: рыгнувшись (42), свойственное сѣвернымъ говорамъ (архангельское, по выпискѣ изъ *Новыхъ Ежемесячныхъ Сочиненій* 1787 года, приведенной въ *Живой Старинѣ* 1900 года, выпускъ III, страница 449) и южнымъ (мещовское); также: *подите* (9), *выдутъ* (38), обыкновенныя въ сѣверныхъ говорахъ.

Въ удареніи мы найдемъ много особенностей. При невыработавшемся литературномъ языкѣ, поэзіи XVIII вѣка было выгодно пользоваться для стиха словами или формами съ разнообразными удареніями, благо грамматика не подошла сюда съ своими правилами. Это было большое облегченіе писать стихами: можно было употреблять слова съ удареніями московскаго нарѣчія, слова съ удареніями того говора, который былъ природнымъ для писателя и, вѣроятно, еще слова съ удареніями, которыя предшественники или современники писателя усвоили поэтическому языку. Я приведу всѣ слова съ особенностями въ удареніи изъ басенъ Майкова, но сдѣлаю очень немного объясненій къ отдѣльнымъ случаямъ, замѣтивъ вообще, что почти всѣ ударенія Майкова могутъ быть объяснены изъ народныхъ нарѣчій.

1. Удареніе приближается къ началу слова: прямого хорошства (24), йстца (родительный надежъ, 12), по спінѣ, къ зймѣ (39; есть у Крылова въ баснѣ «Слонъ на воеводствѣ»), на спину (42), на холмѣ (36; сравните Пушкина «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ»), лягушечья языка (4), счасливо (25; есть у Крылова въ баснѣ «Откушчикъ и сапожникъ»), отпускную (29), дневное свѣтило (39; у Пушкина: «Погасло дневное свѣтило»), матерый дубъ (36), знатвѣйшаго (8), парусы (20), рѣги,

1) У Крылова, въ баснѣ «Левъ на ловлѣ».

пвѣтуція лѣта (9), по лѣтамъ (9), со лѣтами (9), ѣдетъ (7, 16, 15, 24; такъ у Державина въ «Фелицѣ», у Крылова въ басняхъ: «Свинья», «Трудолюбивый медвѣдь», «Паукъ и пчела», «Рыбьи пляски»), ѣдучи (26), похулить (24), спустя рукъ сидѣти (40), бранили совушку и мерзкій ея гласъ (19; сравните современное сѣверное ёйный).

2. Удареніе отодвигается къ концу слова: съ того часа (5), рѣку (2), черезъ рѣку (есть у Крылова въ баснѣ «Лжецъ»), шла шагѡмъ (13), дубинѡю (7, 8; дубина, дубинѡю и теперь говорятъ въ Ярославскомъ уѣздѣ); въ именительномъ множественнаго: вдовѣи, бѣдѣи, судѣи (12), сестрѣи (15), змѣи, игрѣи (42); въ другихъ падежахъ: судѣямъ (12), козамъ (26), воротами (2; предполагаетъ именительный ворота); явится (24), тронутся (30; у Крылова: тронутися, въ баснѣ «Муха и дорожные»), разрушѣ (12), обѡихъ (10, 15), обѡймъ (15), дышитъ (4; по типу: рѣшѣ — рѣшитъ, бѣгѣ — бѣжитъ), положенъ (2, есть у Пушкина: «Сцена изъ Фауста», Сочиненія, т. III, стр. 103), сражена (12), вложена (22), истребленѣ (4), насѣченѣ (2), въ равенствѣ (8), приговоръ (12), приговорѡмъ (12), музыка, музыки (4; съ такимъ удареніемъ у Сумарокова, Жуковскаго, Батюшкова, Крылова (*Кеневичъ*, 187 стр.), Пушкина, Тютчева («Ночные голоса»), В. И. Красова (Стихотворенія. М. 1859 г., страница 121), Лермонтова (*Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ*, 1897 г., томъ II, книга 2, страница 467; здѣсь же объяснено и происхождение слова съ такимъ удареніемъ, при чемъ къ малорусскому музыка можно прибавить и бѣлорусское (Словарь *Носовича*), даже великорусское Псковской губерніи (*П. В. Шейнъ*, Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ... С.-Пб. 1900, стр. 106); также, по указанію Е. Ѳ. Будде¹⁾, встрѣчается у Ломоносова и Державина), педалечкѡ (38), противъ (24, козелъ возсталъ противъ звѣрей...), подлѣ (подлѣ котораго мужикъ берлогъ имѣлъ, 42), или (19).

Изъ извѣстныхъ филологовъ XIX столѣтія, кромѣ Востокова и Грота, никто, если не ошибаюсь, не опредѣлялъ и не устанавливалъ удареній литературной рѣчи²⁾. Теперь, когда поэтическій языкъ внесъ

1) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, часть СССХХХІІІ, страница 415 (1901 годъ, февраль).

2) Удареній въ словаряхъ я не считаю, потому что изучать удареніе по словарямъ чрезвычайно трудно.

массу особенностей въ удареніи словъ изъ областныхъ говоровъ, однообразное удареніе въ русскомъ языкѣ едва ли возможно, потому что примѣромъ образцовыхъ писателей можно оправдать множество отступленій отъ тѣхъ формъ, которыя болѣе приняты и распространены. Сами писатели очень свободно употребляютъ формы съ разными удареніями, и, напримѣръ, басни Крылова по ударенію, кажется, не совпадаютъ ни съ какимъ однимъ живымъ говоромъ.

Живое московское нарѣчіе, какъ литературное, могло бы имѣть вліяніе въ этомъ отношеніи на другія, но, къ сожалѣнію, въ отношеніи къ слоудоударенію оно почти вовсе не изслѣдовано.

Въ склоненіи словъ найдемъ у Майкова родительный и предложный падежи на *у*: роду (8), для примѣру (24), до дому (38), грому (38), безъ страху (38), съ размаху (38); въ семь чинѹ (8), въ домѹ (39; рядомъ: въ дѹмѹ, 38), въ задѹ (42); предложный на *н* отъ именъ на *ѣ*: въ печаль (пріимается съ подаль; вѣроятно, Майковъ произносилъ въ обоихъ словахъ по діалектическому сѣверному¹⁾ *е*); именительный падежъ множественнаго числа: рѹги (24); правильно: болота (26), пятна (42), но по вліянію московскаго произношенія или, можетъ быть, по винѣ наборщика: житы (40),

родительный падежъ множественнаго числа: безъ рогѹ (24), римляновѹ (39).

Все это народныя формы, такъ же какъ и *время* въ родительномъ падежѣ, *каменья* (27, собирательная форма).

Въ степеняхъ сравненія находимъ народныя: *постарѣ* (9), *заранѣ* (21), *болѣ* (22), *нужняе* (27), и книжныя, съ приставкой *пре*: *преширокомѣ* (17), *преподлая* (18).

Между предложнымъ нарѣчіемъ и мѣстоименіемъ видимъ отсутствіе приставнаго *н*: *мимо ихѹ*, *межѹ ими* (28), *межѹ ихѹ* (41).

Одинъ во множественномъ числѣ не различается по родамъ: *одни* (кости, 28).

Изъ особенностей въ формахъ глагола въ неопредѣленномъ наклоненіи осталось указать только *брестѣ*.

Въ изъявительномъ наклоненіи находимъ формы: *хочутѣ* (15), *хо-*

1) Предложный на *н* въ такихъ случаяхъ извѣстенъ въ разныхъ сѣверныхъ говорахъ: сергачскихъ, муромскихъ, пошехонскихъ (въ послѣднихъ: на печѣ; смотрите *Этнографическій Сборникъ, издаваемый Император. Русск. Геогр. Обществомъ*, II, 4).

чете (40; сравните: *Буслаевъ*, Историческая грамматика, § 87); ноги не *бѣжатъ* (42), *прибѣгли* (6), *разбѣглись* (6), *набѣгли* воры (13). Формы прошедшаго времени правильно произведены отъ глагола *бѣчь* (сравните: лечь — легли); наше «правильное» *бѣгутъ* взято отъ этого глагола; (сравните: лечь — лягутъ); *бѣжатъ* произведено отъ *бѣжать* (сравните: лежать — лежатъ). *Настигу* («я побѣгу и господина *настигу*») — тоже правильное образованіе отъ *настичь* (сравните: обстричь — обстригу). Также правильны: *лажу* (*лажу* по горамъ), *мучитъ* (31). По средне-русски часто неправильно: *лазію*, *мучитъ* (последнее встрѣчается нерѣдко у Чехова).

Въ повелительномъ наклоненіи вмѣсто нашего *пожалуйста* болѣе старое *пожалуй* (очень часто въ актахъ и въ челобитныхъ): «Скажи, пожалуй, мнѣ всю правду, молодецъ» (14); «Пожалуй, говорить, сей мысли не порочь» (24). У Крылова такъ въ басняхъ: «Дерево», «Квартетъ», «Бритвы». У Грибоѣдова: «Но объяснись, пожалуй...» (комедія «Молодые супруги»).

Въ возвратномъ залогѣ много случаевъ употребленія *ся* послѣ согласныхъ. Это отчасти діалектическія формы (въ сѣверныхъ говорахъ онѣ употребительны, но окончаніе звучитъ теперь чаще *са*), отчасти славянизмы, которые принимались тѣмъ охотнѣе, что въ стихахъ часто является нужда въ лишнемъ слогѣ. Формы на *ся* послѣ гласнаго звука были еще настолько употребительны, что являлись и тамъ, гдѣ безъ нихъ можно бы было обойтись. Такъ, у нашего писателя находимъ рѣемы: *напилися* — *разобралися*, которыя свободно можно замѣнить рѣемами: *напились* — *разобрались*. — Приведемъ примѣры: *спастися* (32), *умилосердися* (4), *осталося* (4), *осталися* (12), *спустилася* (15, 19), *подкралася* (23), *полюбилася* (24), *сопслася* (26), *раздулися* (7), *вскарabalася* (36), *надвинулося* (38), *билися* (39), *валялися* (39), *шатаяся* (1), *лишася* (29), *страшася* (38), *оставшися* (40). Сравните у Крылова въ басняхъ: *закралася* (*Кеневичъ*, стр. 12), *крушуся* (тамъ же, стр. 137), *покажуся* (тамъ же, стр. 208), *пригожуся* (тамъ же, стр. 208), *осталися* (тамъ же, стр. 224), *гналася* (тамъ же, стр. 227), *казалося*, *случася*. Замѣчательны случаи, когда *ся* является тамъ, гдѣ мы его не употребляемъ: «Упрекалися такъ другъ другу говоря» (16), или не находится тамъ, гдѣ оно у насъ есть («*оставшая жена*», 12; «*поѣлъ оставшихъ крохъ*», 33).

Замѣчательная причастная форма *смога* (4) давно уже укавана въ лекціяхъ А. И. Соболевскаго и, какъ пословичная форма, въ «Исторической грамматикѣ» Буслаева (§ 54, примѣчаніе 3); въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ *мога* указываетъ Е. О. Карскій въ «Обзорѣ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи» (М. 1886, стр. 146). Удержавшись благодаря рѣимѣ (*смога́ — рога́*: И кто кого *смога́*, такъ тотъ того въ *рога́*), она стоитъ совершенно особнякомъ отъ всѣхъ другихъ подобныхъ формъ, но въ такомъ примѣрѣ, который показываетъ, что формы дѣепричастій на *a* исчезли не въ очень давній періодъ. Въ древнемъ языкѣ не было формъ какъ *рога́*; опѣ появляются съ XV, XVI вѣковъ (А. И. Соболевскій, Лекція по исторіи русскаго языка. С.-Пб. 1891, стр. 197).

Есть дѣепричастіе на *ючи*: и сидючи щекочуть¹⁾ (15); отъ глаголь совершеннаго вида нерѣдко образуются дѣепричастія съ окончаніемъ настоящаго времени для обозначенія прошедшаго: «Уду червякомъ *прикроя*, поймашь лучшаго изъ рыбъ героя» (5); «*новоротя* мѣшокъ, не тотъ услышалъ стукъ» (11), «*разиня* ротъ» (23); «не можно спорить вамъ, другъ друга не *обидя*» (27); «*покиня* звѣрь берлогъ» (42).

Съ личными окончаніями нѣкоторые глаголы совершеннаго вида употребляются въ значеніи настоящаго времени. Таковы: (У насъ) «другъ дружку ненавидятъ; безсильныхъ сильные *обидятъ*» (4, поэтому и причастіе на мый: *обидимыхъ* не защищаетъ, 4); (судьи) «важны дѣла *рѣшатъ* и разсуждаютъ» (12); (вашу братью) «встрѣчаютъ лишь по платю: *проводятъ* по уму» (28). Подобнымъ образомъ употребляется и неопредѣленное наклоненіе, то-есть въ смыслѣ несовершеннаго вида: не станемъ для тебя *рѣшитъ* мы то стократно (12). По особой замѣткѣ Пушкина видно, что такое употребленіе глагола *рѣшитъ* онъ ошибочно считалъ правильнымъ и самъ употреблялъ такія формы (*Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности* 1898 г., томъ III, книжка 3-я, страницы 708, 709; 1899 г., томъ IV, книжка 2-я, страница 583. Но у Пушкина есть и другіе, не указанные здѣсь случаи: напримѣръ, въ лицейскихъ стихотвореніяхъ, по новому академическому изданію страница 257). По свидѣтельству Буслаева, случаи такого употребленія глаголь совершеннаго вида доходятъ почти до нашего

1) У Крылова дѣепричастія на *учи*, *ючи* не рѣдки.

времени. *Кончится* вмѣсто *оканчивается*, которое онъ считаетъ употребительнымъ до самаго послѣдняго времени («Историческая грамматика», § 183) встрѣчается, напримѣръ, въ филологическихъ сочиненіяхъ П. А. Лавровскаго.

Майковъ, согласно съ живымъ языкомъ, свободнѣе употребляетъ виды, чѣмъ мы. У него: *станавливалась* (22), *пріѣзживалъ* (14), *окончали* (3).

Образованія глаголовъ иногда народныя: *владайте* (40), но иногда искусственныя: *произрастала*: [(ворожея) «по зимамъ цвѣты *произрастала* и ворожкой своей блистала»], завѣщаваеъ (12; образовано по вліянію завѣщать).

Перейдя къ синтактической сторонѣ языка, я прежде всего долженъ оговориться, что, приводя примѣры различныхъ особенностей языка Майкова, не буду различать въ нихъ славянскихъ формъ отъ русскихъ.

Обращаясь къ главнымъ членамъ предложенія, находимъ случаи повторенія подлежащаго: «А *ты*, хотя тебя и вѣчно не замаютъ, *ты* жалишь всѣхъ» (8).

Сказуемое выражается глагольными междометіями: «Тутъ шука приплыла и уду *тряхъ*» (5), «межъ тѣмъ медвѣдь на пашню *шастъ*» (42), (звѣрь) «изъ берлога *скокъ*» (42), «хоть онъ (стогъ) поставленъ былъ высокъ, однакоже медвѣдь съ разбѣгу *вскокъ*» (32).

Часто сказуемое является въ сложной формѣ: «Вселенна *въ цѣлости осталась*» (6), «не *нравенъ* приговоръ *казался* дѣвкѣ сей» (12), «летѣть тебѣ *не кстати* въ небесны высоты» (37).

Особенности согласованія словъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

«*Обороты*, ребята, лошадей. . . *держи* коней, *держи*. . .» (38). «Прохожихъ двое *шло* дорогою одною» (2), «и мягко старичокъ съ старушкой *почиваетъ*» (22), «сорока съ галкою *нашли* кусокъ добра» (15). «А Неронъ всѣмъ *была* извѣстная скотина» (14).

Родомъ словъ отличаются: *пѣрло* жемчужное (1), *берлогъ* (42; по народному: такъ въ Покровскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи; сравните старославянское: *бѣрлогъ*). Единственное число вмѣсто нашего множественнаго находимъ въ примѣрѣ: «Но гдѣ, о, муза, гдѣ возьму такую *краску*, дабы живѣе могъ я зависть описать?» (25).

Единственное число въ собирательномъ значеніи: «*Волкъ съ зайцемъ* будутъ въ полѣ, *баранъ, конь, быкъ и пещь* останутся въ неволѣ» (26), «такъ должно *денежку* на нуждицу беречь» (32).

Въ употребленіи падежей нужно обратить вниманіе на второй именительный, замѣненный у насъ нарѣчіемъ: «Хоть онъ (стогъ) поставленъ былъ *высокъ*. . .» (32), «инъ будь всѣ мянщи такъ, старухамъ симъ *подобны*» (38; этотъ примѣръ именительнаго допускаетъ и другое толкованіе), «*каковъ* и самъ онъ славенъ» (= сколько). Есть у Крылова: «Посмотримъ, на зубахъ *каковъ-то* будешь вкусенъ» («Кошка и соловей»).

Родительный падежъ употребляется для означенія времени: «Не выпущу ли я *сею* же *лѣта* душку» (23), при глаголѣ ненавидѣть: «Кто мудрыхъ стариковъ *совѣта* ненавидитъ» (37), при глаголѣ *отставать*: «Но *мнѣня* своего никто не *отставалъ*» (24), при глаголѣ *видѣть* (можетъ быть, родительной части?): «*Надписи* (единственное число) едва ль возможетъ *видѣть* око» (2).

Для второго винительнаго отмѣченъ одинъ случай: «Натура насъ съ тобой *подобныхъ* сотворила» (18).

Этотъ падежъ употребляется при глаголахъ: *отомстить* («онъ скоро *воровство* сорокъ *отомстилъ*», 42), *вредить* («своимъ *совѣтомъ* *тѣхъ* *вредятъ*», 34), *управлять, править* («*царство* *управлялъ*, какъ кормщикъ *правитъ* *судно*», 4), *толковать, потолковать* («Езопъ *толкуетъ* *духовную*», 12; «*потолковавъ* *писаніе* *сіе*», 12), *разсудить* («лишь *разсудить* *ее* (*духовную*) не всякій разумѣетъ», 12; «важныя *дѣла* рѣшать и *разсуждаютъ*», 12).

Творительный падежъ употребляется при глаголѣ *скучить* («Ужъ *скучилъ* онъ той *пищей*», 11), *ругаться* («онъ *матерью* своей *ругался* и *отцомъ*», 14).

Въ предложномъ падежѣ замѣчательны случаи обозначенія времени: «Тому и умереть *въ томъ* *лѣтѣ*» (23), «когда бы не было портныхъ на бѣломъ свѣтѣ, такъ вы бы *въ осени, въ веснѣ и жаркомъ лѣтѣ*. . . ходили нагишомъ» (27). Можетъ быть, они представляютъ старый мѣстный падежъ, означающій время, но снабженный предлогомъ.

Межъ употребляется съ родительнымъ и винительнымъ падежами: *Межъ васъ* (16), *межъ вами* (15), *межъ прочими зверьми* (21), *промежъ тѣмъ* (22).

На съ винительнымъ падежомъ означаетъ время, продолжительно или неограничено: У насъ *на всякій часъ* другъ дружку ненавидятъ (4). (Сравните: *напѣчно: Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ*, томъ III, книжка 3-я, страница 711).

Майковъ часто сокращаетъ придаточное дополнительное предложеніе посредствомъ неопредѣленнаго склоненія *быть*: «Ледъ толстъ и зрится *быть* надеженъ» (17), «и такъ его (ледъ) я тверда *быти* мнилъ» (17), «иль въ томъ ты своему блаженству *быти* чаешь, что...» (41), «случился близко *быть* берлогъ на сторонѣ» (42); также посредствомъ существительнаго: «И денежки въ мѣшечкѣ показали, при томъ все *бытіе* приятелю сказалъ» (7).

Въ употребленіи союзовъ нужно указать слѣдующіе случаи: часто употребляется *подобно какъ* («панъ въ слѣси утопаетъ, *подобно какъ* пѣтухъ», 7; «панъ щедро наградишь, *подобно какъ* отецъ», 7; «а зубы у волковъ *подобно какъ* иголки», 32); сохраненіе въ главномъ предложеніи соотвѣтствующаго союза: *то—что, такъ—какъ* («я чувствую *то* самъ, *что* улечу я къ небесамъ», 37; «благодаря свою злодѣйку *такъ, какъ* мать», 34); также: *этотъ—который* («у Федра басню я читалъ подобну *этой, которую* писать намѣренъ я теперь», 12; «должно серебро отъ *этихъ* птицъ беречь, *которыя* по всѣмъ домамъ теперь летаютъ», 15), *столько—какъ* («*столько* строго, *какъ* стоишь жить», 11); *когда* вмѣсто *если* («*когда* родитель твой жить очень не богато, откуда жъ у тебя сіе взялося злато», 10).

И соединяетъ дѣепричастіе и изъявительное склоненіе: «Опомнися и въ тоскѣ у петли ужъ стоялъ» (11), «призвавъ ее къ себѣ, и тако ей вѣщаетъ. . .» (24), «взявъ ложку въ пазуху, и сталъ опять валиться» (33), «но сынъ, не слушаясь ея, и власть беретъ. . .» (37). Въ старомъ языкѣ такія сочетанія часты. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, которые можно найти въ «Сборникѣ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина» (М., 1897 г.): «И он де Микитка тово крестьянина взявъ съ собою и повез в Курескъ» (часть III, страница 23). У Крылова: «Плѣняся глупостью такой, и къ дѣлу приступилъ тотчасъ механикъ мой» («Механикъ»).

Въ словорасположеніи замѣчательны случаи постановки подлежащаго среди придаточнаго предложенія: «Летѣвши *облачко* небесный видѣть свѣтъ, пропало. . .» (37), «покиня *звѣрь* берлогъ, хотя и не ле-

гокъ, да изъ берлога скокъ» (42). Сравните у Крылова: «Созвавъ отъ всюду *онъ* разумниковъ, изъ нихъ установилъ собранье» («Водолазы»), «не могли болѣ тутъ *левъ* явной лжи стерпѣть. . .» («Рыбы пляски»). Такое словорасположеніе есть также у Жуковского («Война мышей и лягушекъ») и даже у Пушкина («Историческая грамматика» Буслаева, § 275). — Отмѣтимъ еще примѣръ особаго словосочетанія: *лѣтъ со сто* (23).

Съ лексической стороны языкъ Майкова замѣчательнѣе употребленіемъ многихъ народныхъ словъ. Эта особенность не принадлежитъ ему лично, но всѣмъ писателямъ его времени. Разговорный языкъ XVIII вѣка содержалъ много народныхъ словъ, которыхъ мы теперь не употребляемъ. У замѣчательныхъ писателей того времени можно найти слова, теперь уже непонятныя. Значеніе этихъ словъ нужно разыскивать по областнымъ словарямъ. Но очевидно, что такія слова тогда понимались еще въ литературныхъ центрахъ: Москвѣ и Петербургѣ. Такія слова есть, на примѣръ, у Ломоносова, Державина, Карамзина (въ переводахъ послѣдняго употребляется, на примѣръ, слово *наслучилъ* = нахлобучилъ). У Майкова мы находимъ: *рѣлетъ* (портняжка прибѣжалъ, пыхтитъ и, какъ собака, *рѣлетъ*; какъ собака *рѣлетъ* и чуть зѣваетъ, лилася бѣгомъ силъ, 7; у Даля: *зарѣять* — загорѣться, задохнуться, надорваться съ перегону); *перекочкать* (не *перекочкаши* ни йнца ни судей, заплакавъ слезно, пошла и жалобы тво-рила бесполезно, 12; у Даля: *перекочкать кого* — нижегородское, переупрямить, поставить на своемъ); *хлещочеть* (4) (по Далю: кричить, квакаетъ). Непонятно слово *дѣрога* (съ такимъ удареніемъ въ изданіи 1767 года) въ выраженіи: Сей басни та *дорога*, что всяка власть отъ Бога (30).

Есть у Майкова нѣкоторыя слова съ старымъ значеніемъ. Грабители и разбойники называются *ворами* (10, 13); *разбивать* значить — грабить, отнимать посредствомъ разбоя (10; также у Крылова въ баснѣ «Сочинитель и разбойникъ»); *рѣзно* (32) — въ разныя стороны, *протѣву* (противу сихъ рѣчей, 24) = согласно (съ сими рѣчами). Слова *лестный*, *любезный* по употребленію тогдашняго времени значать: льстивый, милый, любимый. Послѣднее значеніе въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ удерживается и теперь. Такъ, въ обращеніяхъ говорятъ и пишутъ: любезный, любезный другъ. Слова: невѣжда и невѣжа обосо-

бились по значенію въ болѣе позднее время; у Майкова: «*Невъжесо* (= невѣждою) крота и глупымъ называли» (24), «которые меня (розу) съ *невѣжествомъ* ломають» (17; = съ невѣжливостью). Даже Крыловъ употреблялъ такъ первое слово («Огородникъ и философъ»; *Кеневичъ*, 212). Можно указать нѣсколько словъ, исчезнувшихъ теперь вслѣдствіе измѣненія быта. Таковы: *бояринъ*, *боярыня* (38; сравните у Крылова въ баснѣ «Муха и дорожные»: «Ползуть изъ колымаги вонъ *бояринъ*, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель»); *рабъ* («ей дьявольская сила покорна такъ была, какъ барынѣ *рабы*», 6); *пристѣшникъ* (7).

Изъ народныхъ словъ приведу только нѣсколько такихъ, которыя для насъ уже кажутся вульгарными: *владайте* (40), *здорный* (35), *замать* («не лучше ли бы намъ вѣкъ чашки не *замать*», 22; «я птичекъ не *замаю*», 34), *испужалъ* (7), *обыкъ* («быкъ, который завсегда дурачиться *обыкъ*» (21), *упуцаетъ* (33).

Въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ у Майкова употребляются такія же ласковыя названія, къ которымъ мы такъ привыкли въ басняхъ Крылова: *ребята* (38, 40), *братъ* (7), *братцы* (28), *сестрица* (15), *кумъ* (26), *кумушка* (26), *свѣтъ* (2, 16, 26, 34), *голубчикъ* (39), *молодѣцъ* (14), государь (6, 7), батяка старичокъ (22).

По употребленію восклицательныхъ выраженій басня Майкова тоже имѣетъ нѣкоторое сходство съ басней Крылова. Послѣдній, при большой народности языка своей басни, не избѣжалъ нѣкоторыхъ восклицательныхъ оборотовъ, мало свойственныхъ чистому русскому языку. На языкъ басенъ въ этомъ случаѣ, вѣроятно, оказалъ вліяніе языкъ одъ, которыя писались тогда въ большомъ количествѣ. Всѣ эти обороты, которые мы находимъ у Майкова, отличаются книжнымъ характеромъ: «*О, небо*, страшно мнѣ подумать то и нынѣ» (17), «пристойно ли тебѣ, *о, быкъ*, со львомъ сравниться» (21), «*о, вы*, охотники дѣла другихъ судить» (22), «*о, вы*, которые имѣете умъ здравый» (41); «*увы*, изъ мисы вдругъ вонъ выскочила крыса» (22), «*увы*, не знаешь, левъ, что барсу приключилось» (39).

Въ одной фразѣ мы находимъ, что Майковъ употребляетъ отрицаніе *не* одинъ разъ вмѣсто двухъ, по-славянски: «Ворожея не только *внемлетъ* (вмѣсто *не* *внемлетъ*) рѣчь, не дѣлаетъ и къ сожалѣнію знака» (24).

Изъ другихъ частицъ замѣчательны: *то* (тогда-то, 24; во мнѣ-то); *ко*, *тко* при глаголахъ (вздѣнь-ко, 27; ѣшь-ко; поди-тко, 25).

Можно указать также слова: *анъ* (34, 42), *инъ* (38).

Если мы обратимъ вниманіе на иностранныя слова, то замѣтимъ, что число ихъ у Майкова очень не велико. Это прежде всего значительно обрусѣвшія слова, заимствованныя вмѣстѣ съ понятіями или предметами: *адъ* (болото стало *адомъ*, 4), *сатана* (22), *солдатъ* (27), *мастеровой* (27), *монархъ* (27), *ноты* (для пѣнія, 19), *вокальная музыка* (4), *намалевать* (24), *камера* (судейская, 12). Нѣкоторыя слова заимствовались изъ переводовъ, въ которыхъ, при недостаточной выработанности русскаго языка, вѣроятно, еще и нельзя было замѣнить чужое слово своимъ: напримѣръ, *натура* вмѣсто нынѣшняго *природа*. Послѣднее, вѣроятно, искусственное слово позднѣйшаго происхожденія. Другія слова, какъ *понтъ*, употреблялись безъ всякой нужды: иногда по недоразумѣнію, иногда потому, что казались лучшими въ высокомъ слогѣ. Третьи передавали особыя понятія, возникшія въ другой жизни: *герой* (5, 39), *тиранъ* (14), *стоикъ* (11), *сатира* (18).

Иныя слова только входили въ литературный языкъ и до нашего времени дошли съ другимъ значеніемъ, оставшись въ просторѣчій со старымъ. *Критиковать* въ нашемъ языкѣ: *разбирать*, *разсматривать*; въ современномъ просторѣчій и у Майкова: *хулить*, *осуждать* (и по привычкѣ злой меня *покритикуйте*, 22).

Послѣ окончанія моей работы я имѣлъ возможность познакомиться съ той частью собственныхъ рукописей В. И. Майкова, которая поступила въ Публичную Библиотеку въ 1867 году. Я напрасно искалъ въ этихъ рукописяхъ значительныхъ діалектическихъ особенностей: послѣ изученія автографовъ Майкова я убѣдился, что онъ писалъ очень правильнымъ литературнымъ языкомъ своего времени. Эта правильность относится какъ къ стилю писателя, такъ и къ его орфографіи, которая содержитъ немного фонетическихъ элементовъ. Вѣроятно, въ разговорномъ языкѣ самого Майкова не было такой сильной книжной и славянской окраски, которая замѣчается въ его письмѣ. Живой языкъ его содержалъ, надо думать, больше мѣстныхъ особенностей. Но вспомнимъ, что и въ наше время на писателей и поэтовъ языкъ книгъ имѣетъ болѣе сильное вліяніе, чѣмъ живой языкъ народа. Ко-

нечно, Майковъ дѣлалъ грамматическія ошибки, но кто тогда, при неустановившейся орѳографіи, писалъ безъ ошибокъ? Гораздо болѣе замѣчательно, что онъ обыкновенно правильно ставитъ *ъ* въ корняхъ словъ (что тогда представляло чрезвычайную трудность, такъ какъ списка такихъ словъ еще не существовало), часто правильно ставитъ *ъ* въ окончаніяхъ словъ (дательный и предложный падежи существительныхъ, степени сравненія, окончанія глаголовъ, нарѣчія). Онъ отличаетъ въ письмѣ неопредѣленное наклоненіе отъ изъявительнаго. Онъ довольно правильно пишетъ слова слитно и отдѣльно и часто вѣрно ставитъ большія буквы въ собственныхъ именахъ. Въ этомъ случаѣ и въ другихъ, конечно, нужно обращать вниманіе на написанія, несогласныя съ нынѣшними, но соответствующія тогдашнимъ орѳографическимъ правиламъ или обычаямъ. — Но несомнѣнно, что при печатаніи сочиненій Майкова кто-то исправлялъ его орѳографію.

Сознательное отношеніе къ правописанію видно у Майкова изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ производилъ поправки, передѣлывая одну букву на другую. Такъ въ словахъ: бѣгите, небрегите, пѣвецъ *e* передѣлано изъ *ъ*; будетъ горе — написанное сначала *ъ* передѣлывалось, и затѣмъ все спякалось, такъ что неизвѣстно, на чемъ остановился Майковъ; въ словѣ *вѣтина* ему казалось правильнѣе поставить *ъ*, и онъ сдѣлалъ эту букву изъ *e*. Стремленіе Майкова къ орѳографической правильности видно еще изъ одного незначительнаго, но любопытнаго случая. Именно, онъ принимаетъ слова: *силу* — *сивиллу*; значитъ, онъ говорилъ: *сивиллу*, но писать хотѣлъ по книжному: *сивиллу*. Эти наблюденія и все изученіе сочиненій Майкова приводятъ къ заключенію, что онъ не былъ такимъ необразованнымъ человѣкомъ, какъ объ этомъ принято думать. Онъ не зналъ языковъ, но, вѣроятно, еще въ родительскомъ домѣ познакомился съ элементарными науками и, безъ сомнѣнія, прочиталъ много книгъ. Безъ элементарнаго образованія Майковъ не могъ бы писать такъ много и такъ хорошо. Безъ достаточнаго начальнаго образованія даже такой высокій талантъ, какъ Кольцовъ, могъ написать очень немного.

Нѣсколько особенностей рукописнаго языка Майкова я приведу главнымъ образомъ изъ ненапечатаннаго въ изданіи 1867 года отрывка, озаглавленнаго въ рукописи «пѣснь пятая». Онъ написанъ въ особой тетрадкѣ на 13 листахъ въ $\frac{1}{4}$ листа, на одной сторонѣ листовъ,

какъ пишется для печати. Въ отрывкѣ этомъ описана схватка между монахами, которые изображены грубыми, но живыми чертами, подобно дѣйствующимъ лицамъ въ «Елисеѣ». Въ отрывкѣ между прочимъ хорошо изображено олицетвореніе ябеды. Главныя дѣйствующія лица — канонархъ и архіерей. Орудіемъ драки служатъ книги. Называя множество авторовъ, Майковъ дѣлаетъ иногда ихъ характеристику и обнаруживаетъ замѣчательную начитанность.

Вотъ что я успѣлъ отмѣтить для звуковъ гласныхъ: коснется, зоря, крашкомъ, поядаль, (братія) *сидятъ* во трапезѣ яденемъ веселяся. Для согласныхъ: *ево*, *устрѣтаетъ*, *іудой*, *театръ*, *океянь*, *сонце*, *тетратъ* и *тетратью*, *шахордой* (чехардой). Для частей рѣчи: для тебѣ (возможно, что въ то время такъ говорили въ Москвѣ), *блеющія* стада (интересно по правильности), *спрятавшисз* (единственный случай съ твердымъ окончаніемъ возвратнаго залога, который я нашелъ). Въ словарѣ: *обжирство*, *ночешный* (случившійся въ прошлую ночь), *херуви*, *херуговъ*. Въ примѣрѣ:

Сія ужасная громада, смертныхъ страхъ,
стояла въ лавкѣ сей безъ дѣйствія два вѣка
и кою *двнда* два, съ нуждой, челоуѣка —

слово *двнда* внѣшнимъ образомъ напоминало бы *смога*, но, говорятъ, это какое-то странное мѣсто, и этому слову трудно дать такое истолкованіе.

На этомъ я и кончу свои замѣтки. Число фактовъ, которые я привелъ, не могло быть значительно, и мнѣ трудно представить, на сколько выяснились связывающія ихъ мысли: 1) что по отношенію къ языку В. И. Майковъ является писателемъ такого времени, отъ котораго мы не удались на столько, чтобы не имѣть съ нимъ ничего общаго; 2) что языкъ его сочиненій находился подъ сильными вліяніями языка книгъ и народнаго языка; 3) что несовершенства его литературной рѣчи объясняются прогрессивнымъ развитіемъ русскаго языка, которое происходитъ еще и въ наше время.

ПАМЯТИ

ЛЕОНИДА НИКОЛАЕВИЧА

МАЙКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

Вас. Остр., 9 лин., № 12

1902